

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Герман Романов

**«ЛИНИЯ
СТАЛИНА»**

Неприступный бастион

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Художественный редактор
П. Волков

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *И. Варавина*

Романов, Герман Иванович.

Р69 «Линия Сталина». Непрístupный бастион / Герман Романов. — Москва : Эксмо : Яуза, 2018. — 416 с. — (Военно-историческая фантастика).

ISBN 978-5-04-098128-1

Страшно угодить в кровавое дымное лето 1941 года, попав не на свою войну. Хлебнувший лиха в Карабахе и Чечне, военный пенсионер по инвалидности подполковник в отставке Николай Гловацкий проваливается в прошлое, прямиком под гусеницы победно наступающих на Ленинград немецких танков.

Тут надо забыть про «Малой кровью, могучим ударом», а встать насмерть, отдав приказ «ни шагу назад». Ведь если остановить фашистов под стенами Пскова, где вросли в землю бетонные коробки дотов «Линии Сталина», то не умрут от голода миллионы ленинградцев?! Именно здесь родилась в 1918 году Красная Армия, которая и сейчас сможет остановить зарвавшегося врага. И похлебают вдоволь в плену Манштейн русской баланды, будут ему «Утерьянные победы»!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Романов Г., 2018
© ООО «Издательство «Яуза», 2018
© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-098128-1

*Роман не является исторической
работой, тут просто не может быть
сходства и с реальными событиями,
и теми людьми, что отважно
сражались с фашистами на дальних
подступах к Ленинграду.
Их жертвенности, подвигу во имя
будущего нашей родной страны —
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

,

Пролог

**Командир 118-й стрелковой дивизии
генерал-майор Гловацкий
1 июля 1941 года**

Крепкие прежде пальцы чуть ощутимо подрагивали, когда уверенными движениями Николай Михайлович слегка «поправил» свою старую верную, еще с Первой мировой войны, когда был на пулеметных курсах Западного фронта, германскую бритву. Кто-то из офицеров подарил ему этот трофей, но вот самому участвовать в боях не пришлось, о чем сейчас генерал пожалел мысленно. Опыт есть бесценная вещь, особенно для кадрового военного, его не заменит ни успешное командование, ни полученные в академии знания.

На душе было муторно, одолевала маета, дурные предчувствия лежали тяжелым камнем. Свидание с женой на станции близ Костромы, откуда уходили на фронт десятки эшелонов, стало тягостным, словно прощались навсегда. Она даже заплакала, и вот эти слезы лишили Николая Михайловича душевного равновесия, ее печальные глаза врезались в его память навсегда. На ум приходило страшное — он отправляется в дорогу в один конец.

Псковский укрепрайон — станция разгрузки 41-го стрелкового корпуса из трех стрелковых ди-

визий — 118-й, 111-й и 235-й. Конечно, в пути все может измениться, но ехать туда?! Можно было ожидать чего угодно, но укрепления на старой границе говорили ему об одном — произошло что-то страшное, совершенно не укладывающееся в привычные представления.

— Что же происходит?!

Вопрос, заданный самому себе, повис в воздухе и остался без ответа. Николай Михайлович старательно взбил пену в стаканчике и посмотрел в закрепленное на стенке туалета зеркальце. Отраженное в нем его собственное лицо покачивалось, иной раз уходило в сторону — классный вагон, в котором ехали штабные, трясло на рельсах не так, как теплушки для бойцов, но все равно ощутимо. Нужно было дождаться станции и там аккуратно побриться, но Гловацкий хотел успокоиться, а сия процедура в том завсегда помогала. Да и внешний вид должен быть в порядке, генерал все же, а не прошедший проверку по «форме 20», призванный по мобилизации мужик из запаса, давно утративший воинский вид. И стал помазком наносить мыльную пену на лицо, продолжая думать о событиях, что перевернули жизнь с 22 июня.

Война оказалась внезапной! Нет, все понимали, что воевать придется рано или поздно, но надеялись на второй вариант. Похоже, что и для Сталина, и для советского командования она началась неожиданно. Конечно, сам к тайнам Генерального штаба отношения не имел, но со своей колокольни командира стрелковой дивизии, которых имелось около двух с половиной сотен, судя по порядковым номерам, отмечал по очевидным признакам, их любой воен-

ный обучен распознавать почти мгновенно. Шла переброска к западной границе частей и соединений из внутренних округов, но вот признаков подготовки к мобилизации не наблюдалось. Более того, после заявления ТАСС от 14 июня были разрешены отпуска для комсостава, и все вздохнули с облегчением. А прошла неделя, и тут же грянула война!

Шесть дней прожил в сплошной суматохе, не зная ни минуты отдыха, с урывками короткого тревожного сна, похожего на беспмятство. Дивизия пополнилась мобилизованными резервистами до полного штата, сколачивали подразделения, получали все положенное согласно расписанию вооружение и боекомплект, многие десятки вагонов. Груды разнообразного имущества вывозились прямо со складов на только что пришедших с заводов и колхозов автомашинах. Их покраску в защитный цвет вели уже на платформах. Думал в эшелоне отоспаться, но нет, нерадостные думы терзали генерала, нервы же не железные, хотя натянуты как струны.

— Ах ты!

Процесс бритья оказался болезненным: тряска вагона превратила его в немилосердную пытку. Генерал даже захотел дождаться остановки эшелона, но, представив, как он покажется подчиненным с одной выбритой щекой, а вот на другой будет топорщиться хорошо видимая всем щетина, решительно продолжил тягостное занятие, хотя лицо покрылось многими кровоточивыми порезами, словно его исцарапала внезапно взбесившаяся кошка. Аккуратно смыв в жестяную раковину чуточку розоватую водицу, генерал тщательно вытер лицо казенным вафельным полотенцем и налил на

ладонь немного «Шипра» из пузатой стеклянной бутылочки, недавно купленной по случаю в воен-торге. Закрыв глаза, набрав в рот воздуха, Гловацкий тщательно растер по лицу одеколон.

— Твою мать...

Жгучая боль, словно ядовитым газом безжалостно опалила выбритые щеки, и Николай Михайлович тихо взвыл, стараясь сдержать невольный стон и вырвавшиеся откуда-то из глубины души исконно русские выражения, те самые слова, которыми очень легко оперируют в командном лексиконе как красноармейцы, так и командиры с генералами и даже маршалы. «Кудрявые изречения» он не раз слышал и от Буденного, и на Дальнем Востоке из уст Блюхера, хотя о знакомстве с последним маршалом, ставшим в одночасье «врагом народа», в нынешние дни приходилось помалкивать.

Гловацкий попытался вздохнуть, но тут грудь сдавило словно тисками. Боль резанула глаза, на секунду показалось, что он ослеп. А потом навалился кашель, тяжелый, надрывный — такой он слышал у отца, служившего в старое время крестьянским начальником в Иркутской губернии и сгоревшего в 1911 году на его глазах от терзавшей много лет чахотки. И это было непонятным, врачи, а медосмотры он проходил постоянно, не находили у него даже малых признаков этого страшного заболевания. Да и не кашлял так никогда прежде, хотя и курил. Во рту стало солоно, губы повлажнели, и Николай Михайлович машинально достал из кармана синих бриджей с широкими генеральскими лампасами носовой платок, что заботливо изготовила жена и даже украсила вышивкой. Прижав его к гу-

бам, тщательно обтерев, Гловацкий с удивлением посмотрел на прежде белоснежную ткань, которую буквально испоганили кровавые пятна и разводы.

— Как же так?!

Внезапно на генерала навалилась слабость, будто разом лишился сил. Ноги стали ватными, и Николай Михайлович медленно уселся прямо на пол, оказавшись между дверью и жестяным коробом унитаза. Перед глазами все поплыло, потом потемнело, и Гловацкого укутало принесшее избавление от терзающей грудь боли спасительное беспмятство.

**Военный пенсионер по инвалидности
подполковник в отставке Гловацкий
1 июля 2017 года**

С самого детства Колю Гловацкого постоянно донимали одним и тем же вопросом: не родственник ли, часом, генералу, именем которого названа одна из улиц Нижнеудинска?!

Нет, не родственник, отвечал, а только однофамилец. Да и корни их семьи издревле связаны с этим небольшим сибирским городом со столь давней историей, что берет свое начало от первых казаков-землепроходцев, пришедших сюда еще в 17-м веке и поставивших на берегу своенравной Уды острог. Следует откровенно признать, вопросы любопытствующих являлись закономерными: слишком редкостной была его фамилия для этих краев, где довольно часто встречались селения со сплошь родственными связями, что не только пронизывало быт и жизнь всех односельчан, но и отра-

жались в самих названиях, идущих от фамилии или прозвища основателя.

Предки семейства Гловацких сами из казаков литовского списка, что пришли сюда с атаманом Похабовым, основателем Иркутска. А вот генерал не совсем местный, даже родился не здесь — его отец переехал в сибирские края в 1897 году, с женою и с ним, двухлетним ребенком на руках. Да и жил недолго — перед 1-й Мировой войной окончил гимназию и отбыл в Москву учиться в университете. Затем пошел служить в РККА, а когда в 1941 году фашисты напали на СССР, дивизия под его командованием обороняла Псков. Видимо, неудачно: военный трибунал приговорил Гловацкого к смертной казни, и его расстреляли 3 августа. Рубили сгоряча в то нелегкое время, ведь в 1958 году обвинения с генерал-майора сняли и реабилитировали, потому и назвали одну из улиц в его память. Вот то, что знал Коля о своем именитом однофамильце, хотя родился на 76 лет позже его и мог бы собрать о нем побольше информации. Однако юношеские интересы были тогда другие, да и времена перестройки будоражили общество, не до изысканий на ниве Клио. Хотя, признаться честно, самолюбию парня немного льстило, что он полный тезка расстрелянного, ведь по дикому, невероятному стечению обстоятельств совпали не только их фамилии, но и имя с отчеством, немыслимое во всех ракурсах обстоятельство. Но вот так уж вышло, выпал шанс из миллионов!

Окончив школу, юный Гловацкий отправился в Новосибирск, поступил там в командное училище внутренних войск. Перестройка привела к разладу,

а закончилась развалом СССР, так что Николай получил заветные погоны с двумя маленькими звездочками в последнем выпуске советских офицеров. А заодно побывал и на своей первой войне — сводный батальон курсантов отправили в Карабах, где противостояние армян с азербайджанцами привело к вооруженному конфликту. Затем тянул лямку взводного, получил старлея и роту, и тут пришла Чечня. Оборонял вокзал, был ранен, со слезами на глазах написал полдесятка «похоронок» и с той поры совершенно перестал шутить и улыбаться, даже когда получил орден Мужества на муаровой ленточке и добавил четвертую звездочку капитана на погоны.

После второй командировки стал пить и запросился на «выход». И как ни странно, но офицер с его боевым опытом, но неуживчивым характером потребовался для проведения занятий по тактико-специальной подготовке в институте МВД, что как грибы после дождя появились по всей стране. Одно это обстоятельство, на фоне стремительного сокращения вооруженных сил и военных училищ, говорило о том, каким государством становится Россия. И он словно обрел крылья, насколько интересно ему было вести занятия и готовить курсантов к новой войне, что должна была привести к ликвидации опасного очага терроризма, получившего передышку. И делал это на совесть, но начальству резкие высказывания по поводу коррупции и лизоблюдства не нравились, и строптивного майора Гловацкого «сплавили» в ОМОН, где он снова получил под командование роту. За год успел подготовить бойцов, с ними и отправился на вторую Чечню. Потерь «двухсотыми» не понесли, зато сам стал «трех-

сотым», получив сильнейшую контузию и ранение, тоже серьезное, от которых был списан на инвалидность.

И все — «разменяв» четвертый десяток, он сразу ощутил бесполезность и ненужность обществу. Молодая жена, сам же и обучал ее, юный лейтенант, следовательно с огромными амбициями, «свинтила» первой, даже на развод не подала, и он лишь через несколько лет расторг этот брак без любви на одном лишь, как говорят в народе, «интересе». Начальство поступило так же и ту же квартиру, что обещало, не выдало, хотя он замучился обивать пороги в УВД и даже два раза написал министру. Наградили, правда, еще одним орденом Мужества, «прижав» документы на третий, и уволили подполковником, с благодарностью от президента. Последнюю отставник повесил в рамочке на стене убогонькой комнатенки в избушке, которую приобрел на выплаченные «боевые» и пособие в своем родном городе.

Тут доживал свой век: женщин избегал, ничего серьезного в общении с ними не позволял, людей немного сторонился, форму не носил и награды не надевал принципиально. Читал книги в каком-то запое, прикупил себе сварочный аппарат, варганил окрестным обывателям потихоньку мангалы, копильни, сейфы под оружие, решетки, двери и прочие нужные в хозяйстве вещи. Занятие находилось, в своем доме их всегда навалом, хотя ковылял с трудом, опираясь на трость.

Год назад словно толкнуло: а как же тетка, тот самый расстрелянный генерал? В Интернете информация на него отыскалась, пусть и немного, но определенные выводы для себя отставной подпол-

ковник сделал. Псковский УР дивизия Гловацкого заняла крепко, вот только немцы ударили южнее на полсотни верст, захватив город Остров со стратегически важными мостами, взорвать их не успели. Разбив за два дня боев наши войска, которые бросали в наспех подготовленные контратаки, танковые дивизии Вермахта стали продвигаться на восток. Судя по всему, само слово «окружение» имело тогда на советские войска магическое воздействие. Гловацкий увел дивизию из УРа то ли самовольно, то ли получив на то устное согласие от командира корпуса генерала Кособуцкого, который на следствии этот факт отрицал. Вот только отвод привел к панике — сразу две дивизии двинулись к псковским мостам, а их преждевременно взорвали. Так что войскам пришлось бросить матчасть и переправляться через реку Великую на подручных средствах. А затем долгий отход вдоль берега Чудского озера на Гдов, вот только дорогу на Ленинград перехватила немецкая мотопехота, устроив нашим «котел».

Тут генерал оставил свою дивизию, ушел на военном корабле по озеру. Следствие расценило это как дезертирство и шкурничество, хотя Гловацкий был болен и передал командование начальнику штаба. Вот тогда последовал трибунал, по приговору комдива казнили за сдачу Пскова и Гдова, а генералу Кособуцкому «впаяли» 10 лет лагерей. Правда, спустя год амнистировали, и войну тот окончил также командиром корпуса. Довольно мутная история, недаром спустя 17 лет реабилитировали.

Поиск истины целиком поглотил отставного подполковника, и месяц назад он специально от-